№ 24 1997

ЛЕОНАРД НОЙТЕР
ГНЕВ ТРАНСТРЕМЕРА

1.

- Как мне отвратительно это выражение "на все сто!" (в смысле сто процентов),- восклицает Транстремер в стихотворении "Блестянка" (Блестянка - это особый вид осы, она называется также "оса золотистая"). Можно найти достаточно много восклицательных знаков в стихах Транстремера, но этот, тем не менее, представляет собой исключение.

Во-первых, если Транстремер и прибегает к восклицанию, то для выражения радости, восторга или экстаза, и чаще всего это связано с его теплым юмором. Здесь же восклицание выражает отвращение.

Во-вторых, Транстремер обычно избегает сильных и негативных оценок, особенно таких, которые относятся к ситуации, каковую он описывает в стихотворении. Здесь же писатель впрямую вмешивает в текст свою оценку.

В-третьих, восклицания у Транстремера, прежде всего, относятся к очень конкретному состоянию, к состоянию души. Здесь же это касается языка.

В-четвертых, поэт обычно не ставит под сомнение самое язык. Здесь же он делает это в самой высшей и непосредственной степени. Почему одно какое-то выражение способно вызвать такую реакцию и такие поэтические последствия.

2.

Мы видим, что Транстремер открыто впадает в гнев (разумеется, можно найти гнев у Транстремера и в других вещах, но гнев скрытый, безмолвный, как, например, в стихотворении "Листовка": "Безмолвный гнев вычерчивает каракули на стене, глядящей во внутрь.").

"На все сто, на все сто, на все сто." Что же тут такого в этих словах? В стихотворении "Блестянка" они относятся к "самому истовому фанатику", который и не подозревает, что его фанатизм происходит от того, что в нем сидит и "тот, кто сомневается во всем - Фома Неверующий." Фанатик "должен быть видим на все сто", в то время как "скептик Фома внутри него остается никогда невидимым.

Тот факт, что люди всегда стараются скрыть свои мучительные слабости, еще не есть причина для того, чтобы впадать в гнев. Не причина для гнева и попытка людей перебороть свою неуверенность в некоторых взглядах и положениях, настойчиво выставляя их на показ, делая их более и более "видимыми", и Транстремер это знает и как врач-психолог и как поэт. Но в случае с "фанатиком" речь идет о тотальном вытеснении (на все сто), о тотальном переключении (на все сто). Что еще отвратительнее, в этом случае человек резко редуцируется, сводится ко всего двум возможным измерениям, где одно бросается в глаза, а другое полностью сокрыто. Более того, эта двумерность сушествует только в толковании, только как наше предположение, так как сокрытый от нас Фома Неверующий, ни в чем себя не обнаруживает. Фанатик, на деле, хочет быть только одномерным, сведенным к видимому.

Может быть, гнев Транстремера направлен в адрес одномерных людей? Или против (на все сто) редукции человеческого начала? Подтверждение этому предположению можно найти в некоторых стихах Транстремера. Например, в стихотворении "Из африканского дневника" (1969) мы найдем образ студента, одержимого ученьем. Он хочет учиться и учиться "для того, чтобы стать свободным и после защиты диплома превратиться в ступеньку для следующего человека". Здесь мы видим одномерного человека, редуцировавшего себя до ступеньки для других. В стихотворении "Листок из ночного дневника" (это один из шедевров Транстремера), лирический герой сходит на берег, после того, как он пересек реку. Река легко ассоциируется с рекой Ахеронт, которая согласно греческой мифологии отделяла царство мертвых от царства живых. Перед нами взгляд как бы брошенный из царства мертвых:

И позади меня
свинцовый блеск воды
и берег тот другой,
там, где остались те,
кто властвует над нами.

Те, у кого есть будущее
вместо лиц.

Здесь тоже редуцированные люди: "те, кто властвуют", то есть "люди с будущим". Но здесь редукция достигает своей кульминации: они, эти люди, даже не одномерны, они потеряли лицо! Царство мертвых оказывается "живее" оставленного позади царства живых, и будущее в нулевом измерении выглядит нежизнеспособным.

Но ни сверхстарательный студент, который, может быть, только по наивности, перегибает в своем научном и альтруистическом рвении, ни к нулю сведенные властители не вызывают ни гнева, ни ярости у Транстремера. Скорее можно говорить о добродушной иронии и понимании в адрес студента, и даже если "люди, у которых есть будущее", оцениваются намного жестче и с некоторой долей презрения, то все равно, здесь и речи нет о гневе. Очевидно, что Транстремер не чтит редуцированных людей, особенно тех, кто " на все сто", однако это не вызывает у него никакой прямой агрессии.

3.

В стихотворении "Галерея" мы тоже встречаем основательно редуцированных людей. Они выходят на первый план со своими мучительными переживаниями, но не взгляд поэта направлен на них,- это они глядят на поэта. Это могут быть люди со старых фотографий, которые так часто возникают в стихах Транстремера, например, как женщина в стихотворении "С острова, год 1860" (тысяча восемьсот шестидесятый):

С мостков полоскала белье, как всегда, но однажды
вверх по рукам из залива скользнула жестокая стужа,
прямо вошла ей в кровь.

И слезы застыли очками.

Вяч.Смирнов. Ветер с моря, 1995.
Дерево (55x30x25)

Часто речь идет о людях больных, переживших несчастные случаи или мистические события, и они как бы "заморожены", застыли в своих редуцированных жестах, взглядах или словах. Несчастье, как например, застывшая женщина в выше цитируемом стихотворении, дано как отличительный знак, рана, страданье, которое определило всю ее жизнь (таким образом, слово "кровь" употребляется как в конкретном, физическом смысле, так и в переносном, в смысле - жизнь. В шведском языке используется слово livet, что в основном значении переводится как жизнь, но означает одновременно и поясную часть тела). То, что было очками на фотографии, превратилось в стихе в очи изо льда, в глаза, глядящие на поэта. Это взгляд самой памяти. Временные, пространственные, а также, что самое главное, границы между Я и Другим, между Я и окружающим миром больше не существуют. Это и есть зерно транстремеровской лирики!

Что же такое несчастный фанатик натворил, что заслужил самое строгое наказание!? Мы знаем, что он односторонен, но в этом можно упрекнуть и других героев, которых, между прочим,Транстремер любит. Но есть большая разница между фанатиком и другими. Фанатик не стал односторонним человеком, благодаря какому-нибудь несчастью, наоборот, у него все в порядке. Он вынашивает свою одномерность, использует ее себе во благо. Другие фигуры, глядящие на Транстремера с фотографий или из глубины памяти расширяют и углубляют перспективу бытия поэта. Их, пожалуй, и не стоит называть одномерными. Они оживают в его стихах из воспоминаний или сходят со старых фотографий, и поэтому неудивительно, что они как бы застывают в одном жесте, ситуации или одной своей чертой. Они, давно умершие, прокрадываются в жизнь, они переносятся контрабандой в мир живых (как в стихотворении "Середина зимы") и создают свой мир, где измерения не конечны. Фанатик хочет быть на виду (на сто процентов), на виду У ВСЕХ. Умершие же показываются Транстремеру сначала только на фотографиях (или в воспоминаниях), а потом являются ему, стоит ему лишь закрыть глаза. Фанатик хочет подчинить себе массы, умершие расширяют горизонты личности самого поэта. Мир фанатика громогласен, мир умерших безмолвен.

Глаза мои сомкну.
Да, есть безмолвный мир,
да, есть один разлом,
где умерших переправляют тайно
через границу.

Может быть именно здесь мы найдем объяснение гневу и ярости Транстремера в адрес фанатика. Дело в том, что в его поэзии есть два совершенно противоположных мира. Один из них олицетворяет собой фанатик:

Все те, кто к нам всегда фасадной стороною,